

Новая газ. - 2002 - 5 - 8 сент. - с. 19

Как-то весной приехал в Москву директор американской компании, выпускающей саксофоны, и его один мой знакомый привел случайно на концерт. Мы познакомились, он, в большом восторге, совершенно был потрясен Юрой Парфеновым, музыка очень понравилась.

Я пригласил его на обед. Тоже сварил карпа, только этот — один килограмм, а тот был почти три, большая рыбина, мы пили бульон, из помидоров сделал салат, сварил рис — в общем, сделал красивую, хорошую, вкусную еду. И много зелени.

Он вздыхал и пил вино, то красное, то белое, потом целый год мне писал письма, что он так вкусно никогда не ел, что он через меня Россию увидел.

А все дело кончилось тем, что мой друг Лева поехал навестить маму в Чикаго. Позвонил этому директору. Тот говорит: конечно, Алекса друг, пожалуйста, приезжай, вот хорошо, сейчас как раз время обеда, пойдём в «Макдоналдс»!

Игорь (друг Ростоцкого): Лева Кушнир? (Кушнир — замечательный джазовый пианист. — К. Б.)

Алекс: Кушнир, Кушнир. Лева тоже испорчен кухней... Давайте чай шафрановый сделаем!

— А почему вы не играли в саду «Эрмитаж»? Надое-ло?

Алекс: Каждый год надо мне везде светиться. Пусть меня народ хочет.

Рыба фантастическая. Потом будем пить чай из натурального стопроцентного шафрана. Для тонизации организма. Сейчас я дам понюхать. А после чая уже пойдём слушать музыку и розовое вино пить. В Индии я за две недели понял: еда — это произведение искусства. Серьезно.

(Алекс Ростоцкий недавно вернулся из Индии, куда его пригласил Субраманиам — знаменитый этноджазовый скрипач. 13 лет назад Алекс участвовал в альбоме, который Субраманиам записывал в Москве, и с тех пор считает индийца своим гуру, подсказавшим ему путь к мировой музыке. — К. Б.)

Первый концерт мы играли для 15-тысячной аудитории в индуистском монастыре города Мисор, а потом нас пригласили в монастырскую трапезную, и мы ели, как монахи каждый день, вкусную овощную еду со специями.

Все это кладется на зеленый пальмовый лист. Связь с землей, с небом, с миром. Потрясающе. Колоссальная страна. Идешь по улице, грязь, дождь, продаются майки, ботинки, тряпки, а сворачиваешь — и там такой зал (показывает фотографию роскошного концертного зала в виде скрипки).

Вот фотографии с концерта. В ансамбле было девять барабанщиков. Субраманиам обожает играть с множеством барабанщиков.

— Это был фестиваль? Или он собрал своих любимцев?

— Он нашел очень хороший бюджет. Чтобы собрать любимцев, надо иметь денег много. Вот это африканцы, два супербарабанщика. Они еще колоссально танцуют: от оригинального своего африканского народного танца до брейк-данса. А сами — два

Алекс РОСТОЦКИЙ, лучший джаз-бас-гитарист в России, композитор, арт-директор первых джаз-фестивалей в саду «Эрмитаж» и неугомонный придумщик, окзался еще и гурманом. Пригласил нас

в гости слушать новую пластинку, он полдня готовил обед. Грузинская фасоль с острым сливовым соусом, карп, рыбный бульон, овощи — все необыкновенной красоты. «Кухня — это джаз, — говорит Ростоцкий. — Импровизация!»



КУХОННЫЙ ДЖАЗ И ДЖАЗОВАЯ КУХНЯ

У Субраманиама — знаменитого индийского этноджазового скрипача — играют музыканты из Дании, Америки, Африки, Японии. Барабанщиков у него — девять. В Москве Субраманиам будет играть с симфоническим оркестром

В горячую воду кладете плавник акулы, среднюю часть змеи, черные грибы. Первые четыре ложки заесть свежими морскими ежами



пухлых человека. Удивительно.

Пианист — американец, саксофонист — из Колонгагена. На барабанах — индус, но он живет не в Индии, дает мастер-классы по всему миру. Японец из Нью-Йорка. Со всего мира люди. Еще был парень, играет на совершенно огромной установке, иногда к зрителям спиной стоит, потому что некоторые барабаны сзади него. Я, может быть, его привезу сюда. Я вообще многих хочу привезти. В первую очередь Субраманиама. Он хочет с симфоническим оркестром здесь играть и с моей эт-

ноджазовой группой. Каша начинает завариваться.

— А вы были только в Бомбее?

— Я был в четырех городах. Четыре пятизвездочных отеля. Там слоны стоят в городе. Мы едем ночью после концерта. Второй час ночи, все устали, вдруг поднимаем глаза, видим — дом. Стоит какой-то серый дом, и вдруг хвостик так — раз-раз. А на этом доме — еще один домик, такая картонная коробка. Не понимаешь, что это. Еще дождь идет, там же сейчас сезон дождей. И вот мы на светофоре встали.

— Слон тоже на светофоре стоял?

— Не-не, он просто стоял, морковку ел. Поехали дальше. Через две-три улицы остановились. Никто не едет, водитель вылез, ругается: коровы легли на дороге, полный затор, полвторого ночи, мрачная пробка, в городе 15 миллионов жителей, дождь идет, все на велосипедах, без зонтов, без всего. Потом кто-то вышел, начал кричать, коровы отошли на бордюр просто.

Колоссальная страна! И поездка! Я вам успел рассказать, как у меня перед отъездом все украли? Нет еще? Мне завтра улететь в семь утра, я вечером получил билеты, в паспорте виза. Поехал за телефон платить. У меня такая замечательная была сумочка на плече красивая. Сид в машину, а сумка рядом. Не успел включить двигатель

меня через окно спрашивают, как куда-то проехать. Я детально объясняю, трагуюсь, а у меня дверь правая открывается. Сумки нет.

За несколько часов до отлета я понимаю, что лишился билетов, двух паспортов... ну как обычно... прав, ключей от квартиры, мобильного, трехсот долларов. В квартиру войти не могу. Звоню в Индию, говорю, что я не могу прилететь, а выглядит, как будто я не хочу. Я Субраманиаму что-то объясняю... Правда, потом оказалось, что у него тоже дважды воровали сумки с документами — в Лондоне и в Америке.

И я уже все, я не еду. В лучшем случае за какие-то

деньги можно было сделать паспорт за пять дней. То есть на концерт все равно не успеваю. И вдруг звонит человек, говорит: мы нашли около нашей рабочей бытовки все ваши документы, приезжайте, забирайте. Лежало в куче все, кроме денег, телефона и сумки. Я все это взял. И организм у меня сразу перестраивается. В предыдущий-то день я умер. Умер абсолютно для мирового джаза. Для российского я, правда, живой был, а для мирового абсолютно вымер. А теперь — лечу!

Индия — страна удивительная. Столько цвета!

Женщины одеты в сари. Десятки оттенков! И люди, конечно. Индусы — не россияне. Они совершенно по-другому и музыку слушают, и общаются.

— Просветленные все?

— Они жуткие-жуткие опоздальщики, первое место в мире. Арабы и они. Прилетаю я в Бомбей в пять утра, никто меня не встречает. Я стою, полчаса жду. Ко мне уже полицейские подходят. Вдруг смотрю — бежит. Сори, сори, я проспал! С этого началось мое непосредственное погружение в Индию.

Зато четыре часа концерт — им только для разгона. Нам тяжело, а они с удовольствием. Свою индийскую классику они играют и шесть часов, и семь. При этом народ не безучастно сидит. Даже рядовые слушатели понимают структуру музыки.

— Как это видно?

— Они правильно хлопают-считают. Есть определенные условные знаки, которые слушатели понимают. Ну и мы сейчас перейдем к водным процедурам, то бишь к джазу. Тяжело будет, больше часа музыки.

— Это новый альбом, который с хорами? Когда выйдет?

— Да вот когда закончит мой великий дизайнер Игорь Лысенко, что-то ему в голову вошло... Он сделал все в одном стиле, а потом слушал музыку и понял, что все надо переделывать, отказался полностью от предыдущего и сделал такую... полную ирреальность.

Есть там такая картина: я так большой, и меня окружают какие-то птицы. Какие-то попугаи сидят, и рука у меня указывает куда-то, а внизу — маленькие мандарины, учителя китайские, японские сидят, на меня смотрят.

И весь буклет в таком духе. Так дизайнер решил. Все, говорит, хватит черных цветов, давай мы красками поиграем. Там на одном попугае, наверное, миллион оттенков.

(Мы перебираемся в комнату, где происходят все ретипации всех проектов. Как туда влезают несколько человек — непонятно.)

— А что? Диван убирается в другую комнату, и здесь все садятся. Барабанщик вот здесь. Стол тоже я убираю, и все духовики,

все-все здесь, в этой комнате.

— И как соседи? — Ничего. Это происходит уже много-много лет.

— Они, наверное, наоборот — своих друзей еще приглашают.

И начинается джаз. Музыка разных стран и континентов — Африка, Япония, Китай, Индия, Россия. Не столько этно, сколько ассоциация, ощущения от когда-то увиденного. Splashes — новый альбом Ростоцкого — всплески.

Splash — еще «бултыхнуться» слово. Я с детства любил. Не зная броду, бултыхался в воду. Меня все время ловили, потому что я плавать не умел. Это о названии, а как появилась идея каждой композиции — об этом будет в буклете к диску. Еще там будет рецепт сайгонского супа: в горячую воду кладете плавник акулы, среднюю часть змеи, черные грибы. Первые четыре ложки сайгонского супа заесть свежими морскими ежами.

Мы слушаем музыку, иногда Алекс комментирует.

— Теперь — индийская пьеса, «Три раги» называется. Причем третья рага составлена из древних русских знаменитых распевов моим учителем Юрием Маркиным.

— Что такое рага?

— Рага — ладово-мелодическая модель. Мелодия раги дает повод для импровизации. В этом смысле индийская классическая музыка напоминает джаз. Это первая рага была, теперь вторая. А сейчас будет третья, из знаменитых распевов. «Звонили звоны в Новгороде» — следующая пьеса. (Звучит безумно красивый хор.)

— Самое красивое — хоры, они все держат на себе.

— Они создают атмосферу. Вообще на этой пластинке решилось много художественных задач, что на других альбомах не всегда удавалось.

Нужно было в связи с такой географичностью получить необычные вещи...

Человек, занимающийся Востоком, должен был стать русским. Например, Юра Парфенов должен был играть абсолютно русские мотивы. Это очень сложно. У него получилось блестяще.

Это пьеса, написанная Юрой для его дочери. А теперь японская пьеса. Самурайская такая получилась. Впервые за свою композиторскую практику я в одной теме совместил три разные мелодии («Путь война» — «Сад камней» — «Старые учителя»).

— Но это не настоящая Япония. Здесь японское — только повод.

— Я просто дух пытался передать. Другое мне, собственно, не нужно. Бултыхания такие. Я, кстати, много купался в Японском море. И ловил на обед гребешков. Мы жарили их на костре. Они раскрываются, и туда наливаешь соевый соус. Всего несколько минут. Японцы за ними в магазин бегали, а надо было нырять, там все этими ракушками засеяно. Мы на троих покупали килограмм помидоров, я ловил ракушки — и это у нас был обед.

...Кстати, как вы к мороженому относитесь?